

**Лага
ЛУЗИНА**

**Киевские ведьмы
Выстрел в Оперу**

Шабаш второй

Харьков
«ФОЛИО»
2007

«ЗАЗЕРКАЛЬЕ» ЛАДЫ ЛУЗИНОЙ

Он тот, кто смешивает карты,
Обманывает вес и счет,
Он тот, кто спрашивает с парты,
Кто Канта наголову бьет,
Кто в каменном гробу Бастилий —
Как дерево в своей красе.
Тот, чьи следы — всегда простыли,
Тот поезд, на который все
Опаздывают...

Борис Пастернак

Бывает же такое везение! Мне, рядовому обывателю современного Киева, попасть в Город ушедших эпох, увы, не удалось ни разу. Я мог лишь представить себе мой бесконечно любимый Город, всматриваясь в пожелтевшие фотографии и тексты старинных фолиантов со всяческими ерами, ятями и ижицами, мог лишь со слов свидетелей «раньше-го времени» пережить опыт реконструкции, но чтобы вот так, вопреки неизбежному течению времени, где путь проложен только в будущее, прокатиться на старом «пульмане», пообедать в «Европейской» гостинице и побеседовать на равных с Анной Ахматовой, и даже запросто, панибратски (правда, на грани дозволенного) пообщаться с Александром Куприным! Такое могут позволить себе только гениальные поэты, юродивые и...

Ведьмы!!! Бессмертное гоголевское «В Киеве все бабы — ведьмы» подтверждают произведения талантливой киевлянки Владиславы Кучеровой (то есть Киевицы, то есть Лады Лузиной), в творчестве которой всю прослеживаются «брокеновские штучки», правда, нашего, местного, но не менее масштабного и яркого пошива. В Киеве, разумеется, подобное место шабашей — Лысая гора, куда, смею думать, хотя бы раз в году, на Купалу прилетает посудачить с подружками и сама Лада. Уж не знаю, на «борове» ли каком (допускаю такую возможность, ибо знаю, что госпожа Лузина чтит своего не менее мистического земляка — Михаила Булгакова), либо на более традиционной метле (думаю, что и Николая Гоголя наша уважаемая писательница уважает), а только обязательно навевается туда.

Произведения Лады пропитаны духом Киева, Города, где не только крестили Русь и сбрасывали в Днепр языческих истуканов, но где и до сих пор полно всяческой нечисти. Не случайно Николай Гумилев «Из города Киева, из логова Змиева» забрал «не жену, а колдунью»!

Оказавшись, благодаря Ладе, в Киеве вековой давности, пережив вместе с ней яркие события, в которых даже захотелось принять непосредственное участие, я, по понятным причинам, с большой неохотой «вернулся» в настоящее.

Авантюрные романы Лады Лузиной, проникнутые и отменным знанием исторического материала, и тонкой иронией, и искрометным юмором, читаются легко и непринужденно. Задумываться и анализировать нет времени. Хочется спешить и спешить, опасаясь, что не успеешь... И хочется продолжения, ибо для писательницы минута, прожитая «там», — будто бы по теории Эйнштейна — год, прожитый в нашем бренном мире. А жизнь коротка. Вкусно подобранные слова складываются в предложения, оные — в абзацы и главы того романа, который вам, уважаемый читатель, на зависть мне, еще только предстоит прочесть.

*Александр Анисимов,
историк, журналист.*

Моему Городу посвящается

Madame Лузина загремела чашками.

— Скорее, господа, не будем терять времени!..

Михаил Булгаков.

«Спиритический сеанс»

13 лет назад

— Мама, а когда я вырасту, я смогу купить Мариинский дворец?

— Ты сможешь просто забрать его себе.

— А я смогу летать?

— Да, доченька, сколько угодно...

— А когда я стану такой, как ты?

У ее мамы были золотые волосы, а глаза голубые и ясные, как камешки на дне ручья. Ее мама могла совершенно все. Даже отвечать на вопросы дочери, одновременно чертя что-то важное и взрослое в большой бухгалтерской тетради.

Только теперь она не ответила.

Ровная строка под ее рукой оборвалась... Мама недоверчиво нахмурилась, закусилась нижнюю губу и медленно, отрицательно покачала головой. А секунду спустя вырвала из тетради последний лист и скомкала его в шар.

— Мама, что ты делаешь? — спросила дочь.

— Ничего. — Мама не глядела на нее. Она глядела на шар. — Что ты спрашивала, милая?

— А когда я стану такой, как ты?

— Скоро. — Мамин голос прозвучал странно. — Очень скоро. — Шар полетел в корзину для бумаг.

— Мама, — удивленно вскрикнула дочь, — у нас тетя!

Мать обернулась. В дверном проеме стояла незнакомая девушка.

— Мама... — плачуще произнесла гостья.

— Это моя мама! — рассердилась дочь. — У нее нет других девочек!

— Не бойся. Тетя шутит, — утешила ее золотоволосая мама. — Что произошло? — Она исподлобья смотрела на гостью.

— Я очень прошу тебя... Очень тебя прошу... — попросила та, запинаясь. — Сделай так, чтобы Трех не было.

— Ты пришла ко мне за этим?

— Да.

— Значит?

— Да. Ты умерла! Ты умерла, ма!

Женщина остановила ее поднятым пальцем. Помедлив, вытащила из корзины измятый листок. Аккуратно разгладила его. Перечитала.

И отрицательно покачала головой.

— Мне очень жаль, — сказала она, — очень жаль, дорогая.

ГЛАВА ПЕРВАЯ,
в которой случается невозможное

«То ль дело Киев! Что за край!
Валяются сами в рот галушки,
Вином — хоть пару поддавай,
А молодицы-молoduшки!

Ей-ей, не жаль отдать души
За взгляд красотки *чернобровиой*.
Одним, одним не хороши...»
— «А чем же? Расскажи, служивый».

...Разделась донага; потом
Из склянки три раза хлебнула
И вдруг на венике верхом
Взвилась в трубу — и улизула.

Александр Пушкин. «Гусар».

В ясный июльский день по аллее Гимназистов, разрезающей пополам бывший Бибиковский бульвар, шла чудаковатая рыжая барышня.

Чудаковатым был ее взгляд — то затравленно прыгающий, трусливо исследуя идущих навстречу (причем вальяжно-летние мужчины отчего-то не интересовали барышню вовсе, а вот дамы, вне зависимости от возраста, подвергались немедленному облучению серо-зеленых глаз), то горделиво прорисовывающий фасады левосторонних зданий с любовью хозяйки, готовящей мир к капитальному ремонту.

Рыжая деловито прошупала взором изумрудный дом-«шкатулку» — единственный в Киеве, украшенный лепниной из фарфора.

Мысленно дорисовала недостающую башню к фасаду дома 18-ть — бывшей 2-й гимназии, где учился в пригготовительном классе Миша Булгаков и служил в должности регента хора его родной дядя Булгаков С. И.

Положила руку на грудь, где, на шнурке, под рубашкой, висел не крест, а диковинный ключ от первого 13-го дома...

А шагов десять спустя повела себя и вовсе чудно.

Резко остановилась, и на ее круглом лице объявилось симптоматичное выражение, случающееся у особей женского пола, внезапно и не запланированно встретивших на пути главного мужчину своей жизни, который уже бросил их болезненно и навсегда.

Вот только никаких мужчин на пути рыжей не наблюдалось.

За низкой оградой аллеи, сияя семью золотыми и сине-звездчатыми куполами, стоял Самый прекрасный в мире Владимирский собор!

Рыжая впилась в него отчаянно-страдающим взглядом.

Но на том чудеса не закончились.

Аккурат в это самое время в начале аллеи появился еще один женский экземпляр — длинноногий, надменно-красивый и по-июльскому полуголый. Экземпляр сопровождал мужчину, глядевший на обнаженное, перечеркнутое узкой полоской бретельки плечо своей спутницы так, словно жаждал откусить от него хоть кусочек.

— Я тебе сто раз говорила, это был обычный девичник! И если ты будешь вести себя, как идиот... — раздраженно отчитывала сопровождающего девушка, невзирая ни на его обожание, ни на него самого.

И поперхнулась, увидев рыжую.

— Аллочка, ну пойми... — заныл парень.

И замолчал.

Позабыв про воспитуемого мужчину, длинноногая направилась в сторону рыжеволосой. Подошла к ней мелкими, робкими шажками, посмотрела с ничем не объяснимым восторгом на ее двадцатилетней давности полосатую мужскую рубашу, израненные дырами дешевые джинсы и вдруг переломилась пред той пополам в непонятном и низком поклоне.

— Слава Вам, Ясная Киевица! — пролепетала она исполненным преклонения голосом.

Рыжая вздрогнула.

Оглянулась.

Глубоко и нервно засунула руки в карманы измученных джинсов и, буркнув невнятное «здрасьте», позорно помчалась прочь.

— Кто это такая? — Мужчина стоял за спиной своей девушки, потрясенно косясь в сторону убегающей замарашки. — Вид у нее бомбовый.

— Молчи! — зло шикнула девушка. И злость ее адресовалась вопрошающему, его реплике, увиденной им не лестной для нее мизансцены, — уважительно обминая рыжеволосую. — Ты не знаешь, кто она. Ты живешь в ЕЕ Городе!

— Итак, на повестке дня у нас три вопроса. Первый: можем ли мы колдовать для собственной надобности.

Выговорившая эти казенные слова черноволосая дама застыла в раме балконных дверей, распахнутых в солнечный, шелестящий листвою Ярослав Вал.

Внизу, по улице, в русле которой пролегал в XI веке высокий вал, построенный Ярославом Мудрым, желавшим защищать свой стольный Град от врагов, шествовали неспешные киевляне, нимало не задумывающиеся ни о происхождении названия улицы, ни о том, кто живет в коралловой башне дома-замка на Яр Валу № 1.

В Башне же обитали шестеро.

Вылизанная (собственным языком) белоснежнейшая кошка Белладонна, сидевшая на полу в двух шагах от казенной дамы и вполне серьезно взиравшая на говорившую. Громадный и исхудавший черный кот Бегемот с разбойничьей мордой и надорванным ухом, уместившийся поодаль, презрительно повернувшись к честной компании задом. И круглая рыжая кошатина по имени Изида Пуфик, возлежавшая в виде раскормленной горжетки на шее улыбающейся, смешливой девицы.

Раскормленная горжетка чем-то неуловимо напоминала свою хозяйку — вопиющую блондинку — крутобюстную, круглоглазую и круглоносую. А вот сидящая рядом с блондинкой рыжая барышня в полосатой рубахе — казалась полной противоположностью соседки.

Да и вообще, все три женщины — брюнетка, блондинка и рыжая, собравшиеся в круглой комнате Башни, — были полной противоположностью друг друга, и стороннему наблюдателю трудно было б измыслить причину, способную объединить воедино подобный триумvirат.

— ...В частности, могу ли я с помощью магии увеличить доход моих супермаркетов? — Голос черноволосой Кати звучал властно, и ее голову шла властность, а ей самой совершенно не шли золотые очки с узкими, «сощуренными» стеклами.

Впрочем, если не считать этой неважной детали, лицо Екатерины Дображанской было красивым настолько, что у увидевшего ее впервые пропадали желанья и мысли.

Разлет ее бровей, разрез глаз, прихотливый вырез губ — впечатывались в память, как клеймо в кожу раба.

Однако беловолосая Даша Чуб, по кличке Землепотрясная, исповедовала принцип:

«Мы — не рабы, рабы — не мы!»

— Не можешь! — безапелляционно заявила она. — Я уже поведьмовала для собственной надобности. Все помнят, чем мое ведьмовство окончилось. Три аварии и один труп!

Круглобокая, крепко сбитая и упругая, как мяч, Даша вызывала непреодолимое желание ущипнуть ее за вкусный бочок.

Ее улыбка заражала, манеры — пугали, а наряд приводил в недоумение. Помимо рыжей кошки, Землепотрясную украшало множество заклепочек и минимум одежды. Точнее, из одежды на Даше была лишь старая простыня, повязанная на шее крест-накрест.

Зато на руках ее звенело не меньше двадцати золотых браслетов, на шее лежали четыре мониста из золотых дукатов, в ушах висели огромные серьги, рожденные в эпоху Киевской Руси. Белые волосы, заплетенные в сотню пухлых папуасских косичек, блестели золотыми заколками.

— Второй труп был бы твой, если бы Маша тебя не воскресила, — сморщилась Чуб в сторону красивой Кати и перевела взгляд на третью.

На фоне яркой блондинки и изумительно красивой брюнетки Маша Ковалева, рыжая и смурная, казалась совсем неприметной.

С высоким готическим лбом, с золотыми бровями, почти сливающимися по цвету с пергаментной кожей, с глазами, переполненными вопросами, на которые не стоит знать ответы, она вызывала чувство смущенного непонимания.

Рыжая сидела на краю дивана, сутулясь и опустив глаза, точно ее терзало изнутри неразрешимое и гнетущее нечто.

— Да, можем, — отрешенно сказала она. И коротко пояснила: — Я считаю, мы можем ведьмовать.

— Ты че?! — возмутилась Землепотрясная Даша. (Громко че-кать по любому поводу было одной из неискоренимых Дашиных привычек!) — Ты че, Маш, совсем вдруг того? Во всех фильмах ведьмам запрещено пользоваться колдовством для личной выгоды.

— Мы — не ведьмы. Мы — Киевщицы, — сказала Маша. Она смотрела на свои сцепленные в «замок» руки, стиснутые между коленями. — Наша власть — дар, такой же, как и любой другой. И запрещать нам пользоваться своим даром для личных нужд так же абсурдно, как запрещать писателю вести личный дневник, а балерине танцевать на дискотеке для собственного удовольствия. Мы можем делать все, что хотим. Просто мы не должны делать зло, как в магии, так и без нее, не должны отбирать у кого-то что-то, не должны ведьмовать втайне друг от друга. Но я не могу понять, почему, если я боюсь высоты, я не могу применить заклятие «Рать» против страха? Или облегчить с помощью заговора «Сет» роды... жене своего брата.

— А у твоего брата жена ребенка ждет? — заинтересовалась новой темой Землепотрясная.

— За-ме-чательно! — приняла прозвучавший тезис Катя, выказывая восхищение как Машиным выводом, так и тем, как он был сделан.

— Ну, если в таком плане, я тоже не против, — сказала Чуб.

Из чего мой читатель способен без труда сделать вывод: рыжая, грустная и невзрачная Маша и была тем единственным, что связывало между собой несовместимых Дашу и Катю.

Помимо...

— Теперь второй вопрос, — объявила Катерина Дображанская. — Как нам жить дальше? Как управлять Киевом?

— А ты у нас че, председатель? — немедленно взъелась Даша. — Опять решила командовать? И очки снова надела! В них же простые стекла, сама признавалась.

— Пусть она побудет председателем, тебе что, жалко? — вздохнула Маша, не отрывая глаз от своих мающих рук. — Она ж пытается как-то наладить нашу жизнь, после того как ее нам разрушили.

СОДЕРЖАНИЕ

«Зазеркалье» Лады Лузиной. А. Анисимов	5
13 лет назад	9
ГЛАВА ПЕРВАЯ, в которой случается невозможное	11
ГЛАВА ВТОРАЯ, в которой объявляют войну	27
ГЛАВА ТРЕТЬЯ, в которой Даша и Маша решают поменяться мамами	42
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ, в которой мертвые воскресают	60
ГЛАВА ПЯТАЯ, в которой Мир ведет себя, как герой	77
ГЛАВА ШЕСТАЯ, в которой упоминается неизвестный усач	98
ГЛАВА СЕДЬМАЯ, в которой Даша собирается умирать	113
ГЛАВА ВОСЬМАЯ, из которой высказывают легендарные амазонки	130
ГЛАВА ДЕВЯТАЯ, в которой Демон излагает теорию жертвы	148
ГЛАВА ДЕСЯТАЯ, в которой Маша встречает много знакомых лиц при компрометирующих их обстоятельствах	168
ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ, в которой трамваи ведут себя неприлично	184
ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ, в которой Маша предлагает всем покончить с собой	200
ГЛАВА, не зря названная тринадцатой	216
ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ, в которой автор изменяет Киеву с Коктебелем	235
ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ, в которой Маша и Даша рассуждают о родине	253
ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ, в которой Катя пересматривает свой гардероб	271
ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ, в которой фигурирует окно с видом на революцию	287
ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ, в которой Даша превращается в Инфермальную Изиду	301
ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ, в которой мы узнаем загадку убийства Столыпина и самоубийства Булгакова	318
ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ, в которой Катя спасает мир	333
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ, в которой проявляется дом с привидением	353
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ, в которой откуда ни возьмись появляется таинственный Иоганн	368
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ, в которой Маша понимает, что зло — это добро	388
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ, в которой Даша спасает жизнь гимназисту	404
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ, в которой Маша уходит в монастырь?	416
КОНЕЦ	434
ЭПИЛОГ	437